

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СО АН СССР

БАХРУШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ 1966 г.

Выпуск I

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
АРХЕОЛОГИЯ

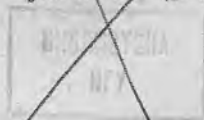
НОВОСИБИРСК
1968

445714

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. К. АЛЕКСЕЕВА (ответственный секретарь), В. И. БОЙКО,
Л. М. ГОРЮШКИН, М. М. ГРОМЫКО, Н. Я. ГУЩИН,
И. П. ЛАРИЧЕВА, Л. Ф. ЛИСС, Ф. А. ЛУКИНСКИЙ (зам.
ответственного редактора), Н. В. РЕВЯКИНА, М. И. РИЖ-
СКИЙ, В. Л. СОСКИН, А. П. ОКЛАДНИКОВ (ответственный
редактор).

~~200889~~

475714

ВЫПУЩЕНА

НГ

9(0)

Б308

От редакции

Настоящий выпуск научных трудов Новосибирского университета (серия исторических наук) содержит материалы состоявшейся в 1966 г. в НГУ научной конференции, посвященной памяти члена-корреспондента АН СССР С. В. Бахрушина.

Хорошо известно, насколько широки и разносторонни были научные интересы С. В. Бахрушина. Выдающийся историк СССР, блестящий знаток истории Сибири С. В. Бахрушин всегда уделял большое внимание также и проблемам всеобщей истории и вопросам методологии исторической науки. И вполне естественно, что в конференции, посвященной памяти ученого приняли участие не одни только историки СССР. На нее представили свои доклады и сообщения также и представители других отраслей исторической науки: специалисты по всеобщей истории, археологии, социологии.

Предпринимая издание трудов конференции, редакция коллегия сочла целесообразным выделить эту группу докладов в особый выпуск, который и предлагается вниманию читателей.

Н. В. РЕВЯКИНА

ЭПИКУРЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИТАЛЬЯНСКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.

Гуманистическое мировоззрение итальянского Возрождения складывалось в борьбе с официальной феодально-католической идеологией. Вырабатывая новое мировоззрение гуманисты, его идеологи, обращались к философскому наследию античности — учениям Аристотеля, Платона, Эпикура, стоиков и т. п. Среди этих учений философия Эпикура, объявлявшего мир несотворенным и подчиняющимся естественным законам, отвергшего веру в богов и противопоставившего рациональное объяснение природы и человека, в наибольшей степени расходилась с господствующей идеологией. Обращение к этому следует искать как в последовательном материалистическом характере самого учения Эпикура, ненависти к церкви, наложившей на него вето, и воскрешенного к жизни только в эпоху Возрождения, так и в том положении, в котором находились в этот период другие философские учения античности.

Учение Аристотеля в значительной степени было дискредитировано в глазах гуманистов в силу того, что еще в XIII в. оно, выхолащенное и лишенное материалистических элементов, было приспособлено к нуждам католической церкви Фомой Аквинским. Недаром нападки гуманистов на официальную средневековую философию (схоластику) носили часто характер нападок на Аристотеля. Чтобы использовать учение Аристотеля для создания нового мировоззрения, необходимо было прежде всего вернуться к античному Аристотелю, очистить его философию от схоластических наслепков и теологических измышлений. С этого и начинают гума-

ной половины XV в. пытаясь путем переводов и тщатель-
филологической работы комментаторов восстановить
инного Аристотеля. Ясно, что в этот период Аристотель
не мог стать знаменем борьбы с официальной идеологи-
Аристотелизм же в его неофициальной, аверроистской
ставке, продолжавшей существовать в Падуе и Болонье,
приобрел ту остроту, которую он имел в XIV в.¹

Пантеизм, распространявшийся среди гуманистов со
половины XV в., хотя и принял пантеистическую форму,
но собой протест против господства официальной томист-
философии, тем не менее, будучи идеалистическим уче-
нием, послужившим в свое время одним из истоков христиан-
ства, не мог в достаточно сильной степени противостоять гос-
подствующей идеологии.

Среди гуманистов распространялось и учение стоиков, по-
тому, привлекавшее своим акцентом на личном самосо-
вершенствовании с развитием духовных способностей челове-
ка (особенная форма для выражения гуманистического
индивидуализма), но это учение славилось своими давними
связями с христианством. Отцам церкви, относившимся к
нему с необыкновенным уважением², очевидно, импонировала
идея божественного рока, близкая к идее о промысле божь-
ем. Этические идеи стоиков, соответственно измененные,
стали известным истоком для христианской морали⁴.
Очевидно, что и идеи стоиков, даже очищенные от поздней-
ших искажений, не могли дать боевых лозунгов в борьбе за
установление нового мировоззрения.

Поэтому вопрос о распространении идей Эпикура в эпоху
падения представляет особый интерес в плане наиболее
явного протеста против господствующей идеологии,
идеи свободомыслия, постепенного освобождения чело-
веческого разума от оков схоластики, рационального освеще-
ния человеческого бытия и человеческих отношений.

* * *

Материалистическое учение Эпикура в корне расходилось
с феодальным идеализмом, который лег в основу феодаль-

1. П. Зубов. Аристотель. М., 1963, стр. 291—299.

2. С. Корелин. Падение античного мирозерцания. Спб., 1895,

3. П. Зубов. Развитие атомистических представлений до начала
М., 1965, стр. 61.

4. Ю. Виппер. Этические и религиозные воззрения Сенеки. ВДИ,
1910, стр. 61—62.

но-католического мировоззрения средних веков. Отверг материалистические представления Эпикура о мире, христианство объявило этическое учение Эпикура безнравственным, сводя его к голому гедонизму. На учение Эпикура был наложен фактический запрет, что избавляло от научной полемики с ним. На протяжении ряда столетий Эпикур трактовался «преданный чреву», как «свинья, валяющаяся в плотной грязи»¹. Отголоски атомистических представлений в средневековье встречались редко².

Однако в средние века термин «эпикурец» продолжал существовать. Епископ Марбод, живший в XII в., говорил о многочисленных последователях Эпикура: «Кто исчислил все земли, грады и веси, дома и кровы людей, идущих вослед Эпикуру»³.

В XIII в. было осуждено учение Амальрика Бенского, 10 учеников сожжены, а 4 приговорены к пожизненному заключению; амальрикан обвиняли в пантеизме, в отрицании смерти души, называли учениками Эпикура⁴.

Выступая против взглядов Давида Динантского, Альберт Великий указывал на Эпикура как на одного из его идеальных предшественников⁵. В трактате, осуждающем Сигера Брабантского и парижский аверроизм, Альберт Великий помещает Эпикура вместе с Анаксагором, Фараби, Авиценной, Аристотелем и др. в лагерь, враждебный церковно-догматическому⁶. Имя Эпикура упоминается и в осуждении парижского аверроизма в 1277 году⁷. Данте называет эпикурейца помещающего в ад главу флорентийских гибеллинов Фаринелло Уберти, отца своего друга философа и поэта Гвидо Кавальканте, Кавальканте Кавальканти, и императора Фридриха II, славившегося своим вольнодумством. Всем им вменяет в вину отрицание бессмертия души:

¹ У Винченца из Бове (XIII в.) и Вальтера Бурлея (XIV в.) есть моральные оценки Эпикура, встречающиеся, правда, наряду с традиционными. См. об этом в кн. Зубова В. П. Развитие атомистических представлений, стр. 73.

² В. П. Зубов. Там же, стр. 65—71.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Г. Лей. Очерк истории средневекового материализма. М., стр. 260.

⁵ О. В. Трахтенберг. Очерки по истории западноевропейской средневековой философии. М., 1957, стр. 96.

⁶ Г. Лей. Цит. соч., стр. 334.

⁷ Там же, стр. 339.

Здесь кладбище для веривших когда-то,
Как Эпикур и все, кто вместе с ним,
Что души с плотью гибнут без возврата¹.

на основании этих очень скудных сведений трудно сказать, в какой степени эти эпикурейцы были последователями Эпикура. Не исключено, что эпикурейцами называли вольнодумцев, уходивших на основы традиционного мировоззрения. Эпикурейские идеи, отмеченные печатью отверженности, вряд ли могли найти условия для своего восприятия в период прочного господства феодально-католической идеологии.

Идеи Эпикура практически вновь появились только в эпоху Возрождения, т. е. в эпоху начавшейся борьбы передовых общественных слоев, предвестников буржуазии, с традиционным феодально-католическим мировоззрением за утверждение новых жизненных принципов. Уже у гуманистов XIV в. (Петрарка, Боккаччо) нет крайне отрицательного отношения к эпикуреизму, характерного для предыдущего времени. Петрарка восхищается трезвостью жизни Эпикура и его мужественно-нравственным учением, приближающимся, по его мнению, к учению Сенеки², которого Петрарка почитал. В одном из писем к другу Петрарка повторяет распространенное у гуманистов выражение: «Делай всегда так, как если бы ты был Эпикуром»³. Боккаччо в «Комментарии» к Божественной комедии называет Эпикура «выдающимся философом», «честным и нравственным и уважаемым человеком»⁴. Отстаивая свою позицию от нападок тех, кто считает его чревоугодником, Боккаччо говорит о его чрезвычайной умеренности⁵. Однако и Петрарка и Боккаччо восхваляют только этическое учение Эпикура и отвергают такое кардинальное положение его философии, как отрицание бессмертия души⁶, Петрарка к тому же считает его учение о бесконечности мира нелепым⁷.

Гуманисты XV в. знакомы с Эпикуром не только по Диогену Лаэртскому, Цицерону, Сенеке, но и по Лукрецию, рукопись которого была найдена в 1418 г. Поджо Браччиолини в одной

¹ Данте. Божественная комедия. Ад, X, 13—15.

² Boccaccio. Filosofia italiana e l'Umanesimo. Venezia, 1928, p. 56.

³ Там же, p. 57.

⁴ Там же, p. 57.

⁵ Там же, p. 57—58.

⁶ Там же, p. 57; D. C. Allen. The rehabilitation of Epicurus and his theory of the early renaissance. Studies in Philology, XVI, 1944, No 1, p. 4.

⁷ С. Корелин. Очерк из истории философской мысли в эпоху Возрождения. М., 1899, стр. 24.

из монастырских библиотек. Следовательно, материалистская философия Эпикура в целом была известна всем, так иначе писавшим об Эпикуре. Об этом свидетельствуют частности, ссылки на Лукреция у Лоренцо Валлы¹. Однако и в XV в. гуманистов по-прежнему интересует только Эпикура.

Леонардо Бруно Аретино, пытаясь решить вопрос о шем благе человека в земной жизни, обращается к античным учениям стоиков, перипатетиков и эпикурейцев. В трактате «*Isagogicon moralis disciplinae*» Бруни, разбирая эти учения, приходит к выводу, что все они сходятся в поисках конечной цели человека и устанавливают ее в счастье, но расходятся в способах достижения его. Однако различия в этических темах незначительны и больше на словах, чем по существу. Позицию Бруни отличает своеобразная реабилитация эпикурского учения Эпикура путем установления его сходства с идеями стоиков и перипатетиков. Серьезное и вполне положительное отношение к этике Эпикура характерно и для работ Бруни, как канцона «*Lunga quistion fu gia tra vecchi saggi*» и трактат «*De studiis et litteris*»³.

Франческо Филельфо выступает против средневековой традиции в отношении к Эпикуру, заявляя, что Эпикура не то, что им было написано, противники интерпретировали своему и обвиняли ложно, поэтому вина в том, что о нем существует дурное мнение, лежит на них. Однако защита Филельфо только этику Эпикура и его самого⁴.

Работы Козмо Раймонди («*Defensio Epicuri contra Stoicos Academicos et Peripateticos*») и Лоренцо Валлы («*De*

¹ Laurentii Vallae opera. Basileae. 1543, p. 676, p. 926.

² *Isagogicon moralis disciplinae* в кн. Leonardo Bruni Aretino humanistica — philosophische Schriften. Lpz.-Berl., 1928, p. 27—28.

³ Канцона "Lunga quistion fu gia tra vecchi saggi" в том же издании соч. Бруни см. p. 150—151; трактат "De studiis et litteris" в кн. Sammlung selten gewordenen pädagogischer Schriften des 16. Jahrhunderts, Zschopau, 1800. Исключение составляет одно письмо, где Эпикур называется еретиком в философии, а его удовольствия — плохой вещью. Письмо это вообще весьма противоречиво: в начале учение Эпикура сближается со стоическим, в конце Эпикур обвиняется в разврате. В этом письме Бруни стремится оправдать свой перевод Аристотеля по экономике и противопоставляет Аристотеля Эпикуру (E. Garin. La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1903, p. 80).

⁴ D. C. Allen. Op. cit. p. 8.

и «Arologia») ¹ представляют новый шаг в распространении эпикурейских идей. В них Эпикур не только реабилитируется и защищается от средневековых обвинений; эти работы являются глубоко аргументированной апологией взглядов Эпикура, но опять в основном только этических.

Так, все гуманисты, которые так или иначе касаются в своих работах учения Эпикура, говорят не об его материалистической философии в целом, а об его этике. Объяснение этого, видимо, лежит в более общих причинах интереса гуманизма к проблемам моральной философии. Этот интерес связан с насущной потребностью переосмыслить прежде всего ту область мировоззрения, которая ближе всего к практическим нуждам и в которой наиболее отчетливо проявляется жизнедеятельность новых общественных сил. Этическое значение моральной философии и первостепенный интерес к ней хорошо подчеркиваются самими гуманистами. Интерес же к общим вопросам философии (и в частности к физике Эпикура) не характерен для раннего гуманизма, поскольку в силу незрелости новых общественных сил не было необходимости для пересмотра в целом старого мировоззрения. К тому же слабое развитие в XIV — начале XV в. гуманизма не способно было создать в этот период базы для полноценной научной трактовки общих вопросов философии.

Что же привлекла гуманистов этика Эпикура? Исходным моментом этики Эпикура является тезис о том, что всем существам свойственно по природе стремление к удовольствию и уклонение от страданий. Цель жизни людей Эпикур видел в счастье или удовольствии, понимая под ним крепкое состояние духа. Однако для счастья не меньшее значение имеет отсутствие страданий тела, заключающееся в удовлетворении естественных потребностей человека. Вот принцип удовлетворения естественных потребностей и восторженно встречен гуманистами, которые, вырабатывая новое мировоззрение в античной философии, пытались найти аргументы для положительного восприятия земной жизни и обоснования права человека на гармоничное развитие,

¹Трактат Раймонди опубликован Э. Гарэном в работе *La cultura del Rinascimento italiano*. Firenze 1961, p. 87—92; работы Валлы — в издании *Laurentii Vallae opera*. Basileae, 1543.
²См. напр. *Leonardi Bruni Epistolae*, lib. VI, ed. Mehus, Lipsiae, 1741, vol. II.

для реабилитации чувственной природы человека. Уже качо, защищая Эпикура, отстаивает как благо телесно слаждение, удовлетворяющее чувственному желанию, например, для глаз способность видеть то, что они желают для ушей — слышать, для рук — касаться¹. Чувственное вольствие защищает и Филельфо: «если благом, согласно Аристотелю, является все то, к чему все стремятся, то менее стремится к наслаждению то, что движется чувством природы. Разве это, поскольку оно согласно с природой будет благом?»². Давая утвердительный ответ, Филельфо ссылается на то, что похвалами наслаждению полны строгих и серьезных философов. Основной аргумент в этике Эпикура и прежде всего его понимания выгоды — блага у Раймонди и Валлы — природа — «госпожа и мать всех вещей». Природа добра к людям, в ее спешности не может быть никаких сомнений³. Все создано высшим смыслом, красотой и пользой⁴. Свидетельство о совершенстве творения является само строение человеческого тела. Так говорит Валла и, заявляя о своем стремлении показать те наслаждения, которые идут от природы, поет гимн чувственным удовольствиям⁵, восклицая: «Обы у человека было не пять, а пятьдесят или пятьсот чувств, ведь если те чувства, которые у нас есть, являются благом, почему мы не должны стремиться к другим подобного рода?»

Раймонди сдержаннее и умереннее, он свободен от перефразирования через край, которыми грешит порой Валла. Впрочем, это может объясняться характером сочинения Раймонди и его целью: он пишет письмо, намереваясь убедить в истинности учения Эпикура. Считая суждение природы о благом деле самым достоверным, Раймонди защищает естественность человеческой природы: человека называют этим именем, поскольку он имеет душу и тело, и только в таком единении человек и может рассматриваться⁶. Благодаря природе, говорит Раймонди, люди так рождены и сформированы, что и

¹ G. Saitta. Op. cit. p. 57—58.

² G. Saitta. Il pensiero italiano nell'Umanesimo e nel Rinascimento. Bologna, 1949, p. 185.

³ Valla, p. 913.

⁴ Ibid., p. 906.

⁵ Ibid., p. 921.

⁶ См. отрывки из трактата Валлы «О наслаждении» в Истории эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. 1, М., 1963, стр. 41.

⁷ Valla, p. 917.

⁸ Raimondi, p. 89.

соответствует иметь тело здоровым и цельным и сохра-
нить его в таком состоянии и быть здоровым душевно¹.
Исходящая с помощью Эпикура принцип гармоничного раз-
ночеловека, гуманисты приходили в неизбежное столк-
новение с христианским аскетизмом, лежавшим в основе
христианской морали. Но никто из них открыто не полемизи-
ровал с официальной этикой католицизма; для одних достаточ-
но было себе утверждение принципа, соответствующего их
убеждениям, и о согласовании его с господствующей мо-
ралью они не заботятся, другие направляют свои удары про-
тив стоиков. В трактатах Валлы и Раймонди эпикурейцы, сле-
дующие законам природы², противопоставляются стоикам,
отвергающим тезис о враждебности человека и природы³.
Одна исходная посылка о враждебности человека и при-
роды игнорирует о том, как далеко взгляды, названные стоиче-
скими, отстояли от истинных взглядов стоиков, у которых не
было ни выпадов непосредственно против природы. Даже напо-
ряженные стоики говорили, что человек должен жить согласно
природе (что означало у них жить согласно разуму), что сама
природа внушает людям здравые нравственные инстинкты
(например, инстинкт самосохранения).

Стоицизм берется, и очевидно вполне сознательно, в его
христианской трактовке, в которой он претерпел (благодаря
Августину, Амвросию, Клименту Александрийскому) опре-
деленную модификацию, восприняв от христианской религии
определенное отношение между человеком и природой. Под-
вергнувшись критике стоицизм в таком позднем толковании оз-
начает выступить против одного из принципов христианской
морали, составляющего основу аскетизма. Недаром и стоики,
описанные в трактате, носят в себе все черты средневековых
монахов. Они превращаются в «ненормальных и бесчеловеч-
ных философов, у которых все чувства усыплены и укрощены
и воздерживаются никаким наслаждением»⁴. Стоическая доб-
родетель заключается в отречении от благ природы и чувств
природы самого человека, а поскольку это противоре-
чит природе, то стоики стремятся не к жизни, а к смерти⁵. «Кто
в какой степени ненавидит счастье, что лишает его всех или
большинство частей его составляющих? Ведь они (стоики) говорят,

Raimondi, p. 88.

Ibid., p. 92; Valla, p. 912.

Ibid., p. 88; Valla, p. 900.

Raimondi p. 89.

Valla, p. 912.

что тот, кто истощен голодом и страдает от телесного и недостатка внешних благ, счастлив, пока обладает детелью»¹. И далее: «Так как мы состоим из души и тела, почему в счастье человека они пренебрегают тем, что является частью человека и относится к нему? Почему заботятся о душе и пренебрегают телом, убежищем души?»². Раймунд Валла низвергают с пьедестала славы стоических героев (например, Марка Регула), считая их несчастнейшими из-за их страдания.

Старая вражда стоиков и эпикурейцев проникает в образы средних веков. Теперь, однако, она получает смысл и значение, она знаменует собой столкновение принципов — аскетического — основного принципа средневекового мировоззрения и рождающегося нового отношения к жизни, одним из условий которого было требование человеческого развития человека.

Было бы, однако, не совсем верным рассматривать Эпикура или даже отдельные ее принципы только как знамя в борьбе с традиционным аскетизмом. Отношение к Эпикуру было глубже и осмысленней. И говоря об этом, не можем не затронуть вопроса о степени соответствия эпикурейских взглядов гуманистов подлинной этике Эпикура. Для таких гуманистов как Боккаччо, Бруни, Филельфо в своих работах, посвященных не специально Эпикуру, важные положения этики Эпикура без их обоснования (Боккаччо защищает принцип чувственного удовольствия, Бруни — о понимании высшего блага Эпикуром, Филельфо — о соотношении духовных и телесных удовольствий у Эпикура (большая ценность духовных)). При таком положении трудно судить о степени соответствия, но и говорить о полном понимании Эпикура нет оснований. Хотелось бы отметить следующее: ни у кого из рассматриваемых гуманистов нет средневекового представления об Эпикуре. Филельфо, например, отделяет Эпикура от киренаиков, защищавших только телесное удовольствие³. Бруни также видит разницу между Эпикуром и Аристиппом. Он даже выделяет эти взгляды Демокрита, отличая их от эпикуровых⁴.

У страстных защитников Эпикура Раймонди и Валла внимание его этики основано на приблизительном знании

¹ Raimondi, p. 88.

² Ibid., p. 89.

³ E. Garin. Op. cit., p. 82.

⁴ Bruni. Isagogicon, p. 24.

тении его гносеологии. У Раймонди нет стройной системы познания этических принципов Эпикура, а встречаются лишь гносеологические положения. Душа, например, рассматривается Раймонди в тесном единстве с телом: «хотя душа является главой и повелевает телом, тем не менее она подчиняется природе и строением тела и без него почти ничего не может сделать»¹. На единстве души и тела основано материалистическое представление Раймонди о познании: «через чувства воспринимает ощущения и познает скрытое»².

Несомненно, христианские представления о бессмертии души, основанные на отрыве души от тела, то признание единства души и тела было ударом по христианскому идеализму. И хотя Раймонди не развивает своих мыслей, знаменателен сам факт принятия им отдельных материалистических положений в учении Эпикура, ибо он подготавливал почву реабилитации учения Эпикура в целом. Это тем более необходимо подчеркнуть, что трактат Раймонди вообще не упоминает о христианской этике и о боге, он выдержан в чисто научных тонах.

Валла, в отличие от Раймонди, еще отчетливее проследит влияние материалистической гносеологии Эпикура. Он пытается обосновать естественный характер наслаждения, и это нам представляется крайне важным, т. к. связывает его с материалистической гносеологией, Валла отрывается от религии.

Новое понимание удовольствия (наслаждения) Валла строит на принципах учения Эпикура. Он, как и Эпикур, исходит из чувственной природы человека. Чувственные восприятия, которые Эпикур считал источником познания, рассматривая как достоверные, являются исходным пунктом и для понимания наслаждения у Валлы. Рассматривая восприятие как взаимодействие внешних предметов на человеческие органы чувств, Валла считает его составными частями то, что называется, т. е. внешний мир, и то, что воспринимает, человечески: «Одна и та же вещь не может быть и воспринята и воспринимающей, одно дело цвет, другое — глаз, пение — слуху и пению так радуются эти два чувства, как уста — запаху розы»³. Наслаждение рождается в про-

Raimondi, p. 89.

Ibid., p. 90.

Valla, p. 920.

цессе восприятия внешнего мира человеком: «Только так можно называться благом, в чем соединяется и воспринимающий и воспринимаемое, как, например, блестящие предметы и зрение, яблоко и вкусовые ощущения. И потому мы можем наслаждение правильно благом, что оно образует соединение обоих, словно от того и другого родителя. И тело воспринимают, внешнее воспринимается»¹. В трактате развивается представление о единстве человеческой природы, которое коренным образом противоречит дуализму христианской этики. Валла активно защищает единство души и разума и чувства, утверждая, что наслаждения души происходят с помощью тела, а наслаждения тела с помощью души². Рассматривая как разновидность наслаждения умственную деятельность, Валла говорит, что она не является телесным, но рождается «согласно тому, что мы видим, слышим и воспринимаем каким-либо чувством». Наслаждение, таким образом, понимается как единый процесс восприятия внешнего мира, в котором участвуют и душа и тело. Представление о единстве человеческой природы не только прочно усваивается Валлой, что он, оставаясь на позиции христианства, воскрешает в раю вместе с душами и превращая христианский рай в обильную чашу редких и уточненных наслаждений³ и приближая его скорее к земному Олимпу или к Елисейским полям.

В связи с принятием гуманистами отдельных материалистических положений учения Эпикура возникает вопрос, как уживались в сознании гуманистов эпикуровские и христианские представления. В этом отношении наибольший интерес представляет Валла. В отличие от других гуманистов, которые, интересуясь этикой Эпикура, не касались вопросов его философии, а если и говорили о них, то в плане приятия, Валла, посвятив свой трактат этической проблеме, тем же время делает попытку примирить эпикуровскую философию с христианским мировоззрением и в связи с этим ставит вопрос шире. Валла, как мы уже видели, усваивает эти принципы Эпикура и склоняется к их материалистическому обоснованию. С другой стороны, он оставляет в своих представлениях место для бога, рая, бессмертия человеческой души (и тела); он, таким образом, остается в общих вопросах

¹ Vall a., p. 920—921.

² Ibid., p. 952.

³ Ibid., p. 989—992.

материализма. Очевидно, Валла не смог воспринять в нем материалистическую философию Эпикура (которая была знакома) в условиях всеобъемлющего господства христианского идеализма в сознании людей и неразвитости естественных наук. Валла и сам заявляет о своем расхождении с эпикуризмом в вопросе о сотворении мира. Однако признавая, что все создано предвидением природы, под которой он понимает бога², Валла не стоит уже полностью и на старых позициях, а отступает от них, приближаясь к пантеизму. Пантеистические моменты, присутствующие у Валлы (однако о пантеизме как системе говорить у него пока не приходится), очень характерны вообще для этого периода, когда даже «системы идеалистов все более и более наполнялись материалистическим содержанием». Стремясь пантеистически примирить противоположность духа и материи³. В стремлении отождествить природу с богом и показать, что все созданное ею, является благом (в другом месте у Валлы эти блага также называются богом⁴), складывается положительное отношение к жизни, желание ее полного восприятия, что составляло основу миропонимания нарождающихся новых общественных сил. Но это отношение к жизни, это ощущение ее полноты и радости ее восприятие, находящиеся в противоречии с официальным моральным кодексом, должны еще получить право своего существования. Отсюда это стремление сделать благами, которыми человек хочет наслаждаться, самим богом, отождествлением природы и всего ею созданного с богом, отождествлением человека, обожествлением всего существующего в мире, перенесением качества бога как совершеннейшего на всю природу и на каждую созданную вещь в отдельности, санкционируется право на полное восприятие жизни и пользование всеми ее благами.

Примирение эпикурейства и христианства выражается у Валлы и в том, что он признает эпикуровский принцип удовольствия высшим смыслом, целью и земной, и небесной жизни⁵. Утверждая это, Валла расходится с христианской моралью по всем линиям: он отвергает и традиционный аске-

Valia, p. 906.

ibid., p. 914.

Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, 1952, стр. 18.

Valia, p. 979.

ibid., p. 896.

тизм и традиционное представление о цели человеческого существования; низводя небесное блаженство до земного, поднимая земное до небесного, он санкционирует тем самым право на земное наслаждение и продлевает его до бесконечности.

Итак, отказываясь от материалистических элементов общих вопросах философии Эпикура, Валла пытается мирить в соответствии с представлениями своего времени, два противоположных взгляда на жизнь. Однако примирение выглядит скорее формальным, ведь оно по существу делается для оправдания (а не для теоретического обоснования) нового взгляда на жизнь и для утверждения этических принципов Эпикура, обосновывавших этот взгляд. В вечном счете принципы эпикуровской этики остаются неизменными и при их объяснении сохраняется сильное влияние материалистической гносеологии. Бог как создатель нравственных норм (в христианстве) у Валлы исключается из сферы нравственности.

Несмотря на все свои противоречия, Валла стоит на позициях передового мировоззрения; гуманистическая сущность Валле постоянно одерживает верх над его христианством.

Склонность к христианскому спиритуализму при трагике Эпикура заметна и у других гуманистов, о чем свидетельствуют такие факты как неприятие эпикуровского тезиса о смертной душе Петраркой и Боккаччо, признание Филеласом наслаждения в раю наиболее полным с возвращением человека к телу¹, полное согласие с Валлой в его признании наслаждения целью и земной, и небесной жизни у Марсуппиуса Дечембрио в их отзывах на трактат Валлы².

Но стремление некоторых гуманистов определить свое отношение к христианству в связи с принятием этических принципов Эпикура по сути дела ничего не меняет в их восприятии этики Эпикура, особенно, когда речь идет о земной жизни.

Гораздо важнее те коррективы, которые вносятся в этические принципы Эпикура самой эпохой. В этой связи необходимо прежде всего сказать о понимании гуманистами самого характера эпикуровского удовольствия. Говоря об удовольствии, Эпикур разумел под ним «свободу от телесных страданий».

¹ F. Fiorentino. Il risorgimento filosofico del quattrocento. Napoli, 1885, p. 215.

² L. Barozzi e R. Sabbadini. Studi sul Panormita e sul Valla. Firenze, 1891, p. 64, 66, 67.

ний и от душевных тревог»¹. Он считал, что «мы имеем потребность в удовольствии тогда, когда страдаем от отсутствия удовольствия, а когда не страдаем, то уже не нуждаемся в удовольствии»². Удовольствие Эпикура, таким образом, имеет негативный характер, оно не связано с активным стремлением к чему-то желанному, с борьбой за него. Вряд ли можно считать удовлетворить деятельную эпоху Возрождения тактикой, по своему существу созерцательная, сложившаяся в эпоху глубокого упадка рабовладельческой демократии. Неудовольствующая, однако, решения данного вопроса, посмотрим, как понимали удовольствие гуманисты.

Бруни, хотя и упоминает о таком принципе эпикуровской философии, как уклонение от страданий, тем не менее почти во всех своих рассуждениях говорит о стремлении к удовольствию. Акцент на позитивном характере удовольствия особенно отчетлив в канцоне «Lunga quistion...», где удовольствие провозглашается целью всякого действия и самым общим стремлением всех живых существ³.

Раймонди, не расходясь в своих исходных посылах с Эпикуром, также отличается от него акцентом на стремлении к удовольствию. Раймонди говорит, что природа создала человека для удовольствия. Об этом свидетельствует как то, что природа создала ему чувства, приспособленные для наслаждения, так и то, что создала разнообразное множество вещей, вызывающих удовольствие, и «природа не создала бы вещей, вызывающих удовольствие, если бы человек не захотел ими наслаждаться и быть деятельным в них»⁴.

Активный характер удовольствия особенно хорошо подчеркивается, когда Раймонди начинает говорить о целях человеческой деятельности. Все в мире делается по причине наслаждения. Ради того, чтобы приобрести и удержать жизненные блага, люди трудятся дни и ночи, и питает их в их деятельности единственная надежда — жить в будущем счастливо и с наслаждением. А если бы такая надежда отсутствовала, то люди были бы менее способны переносить лишения и испытания. Человек получает наслаждения от познания скрытых вещей и овладения ими. Люди познают ли-

Эпикур. Письмо к Менекею в кн. Лукреций. О природе вещей, т. 2, стр. 597.

Там же, стр. 595.

Бруни, *Lunga quistion...* p. 150—151.

Раймонди, p. 91.

терапуру и искусство как для того, чтобы получить наслаждение, так и для того, чтобы приобрести способности, благо чему также можно провести жизнь с наслаждением. Исчислятельно ради наслаждений домогаются люди почестей, сти. Даже сама добродетель предписывает людям стрем к наслаждению, она является и создательницей наслажд и управляет ими (побуждает или удерживает чувства в гр цах) ¹.

Позиция Раймонди в защите активного стремления к удовольствию тесно примыкает к позиции Валлы. У Валлы преобладает деятельное начало в удовольствии; дорожа ным состоянием удовольствия, которое у Валлы стано самоцелью, человек стремится к нему. Валла хорошо по кивает активное стремление к наслаждению как к телес так и к духовному ², он, между прочим, дает и иное опре ние удовольствию, нежели Эпикур. Не безмятежность д отсутствие страданий тела называет Валла удовольсь (наслаждением), а «радостное возбуждение в душе и кую приятность в теле» ³. Даже созерцание Валла рассм вает как активное состояние, понимая его не как безмяте состояние души, а как определенную деятельность ума зерцанием создаются искусства и науки, в созерцании утомляются, и оно требует большого труда ⁴. Созерцани ким образом, является деятельным. Что же касается сп ствия и безмятежного состояния души, то у Валлы он являются ни разновидностью наслаждения, ни целью его являются тем необходимым состоянием души, которо собно воспринимать наслаждение, они словно открывают ход радости, сохраняют принятую радость ⁵. Здесь осо хорошо видно различие с Эпикуром, для которого идеа состояние души — ее безмятежность и покой, а не раде возбуждение.

Акцент гуманистов на активном стремлении к удово вию рождает вопрос: не понимается ли призыв к насла нию как проповедь чувственной неводержанности, и ступают ли и в этом гуманисты от принципов эпикуре этики, приближаясь скорее к киренаикам? Для больши гуманистов характерно обратное стремление: доказать

¹ Raimondi, p. 91.

² Valia, p. 921, 922, 910.

³ Ibid., p. 912.

⁴ Ibid., p. 953—954.

⁵ Ibid., p. 956.

ность и разумность эпикуровского принципа удовольствия. Валла, например, говорит, что для Эпикура более ценным является удовольствие души, а не тела¹. Подобное понимание встречается и в позиции Бруни². Раймонди, защищая чувственные наслаждения, отводит от Эпикура обвинение в проповеди чувственной разнузданности. Эпикур, говорит он, не приходит к наслаждению без разбора и необходимости, но только тогда и как надлежит. Довод противников Эпикура, главный, что Эпикур сравнивал людей с животными, оборачивается против них аргументом о естественности удовольствия: удовольствию такая сила, что даже неразумные животные вынуждены во всем — природой следовать ему. Потому Эпикур и рассматривает удовольствие как высшее из благ, и к нему стремятся все³. Раймонди, однако, защищает не только чувственные наслаждения, но и духовные, причем, эти последние почитаются им как высшие, но полагать только в них высшее благо он считает неверным⁴.

Подозрение в проповеди сенсуализма наслаждения падает на Валлу, но этот сенсуализм и перефразирования через край, которые, несомненно, присутствуют у Валлы, находят оправдание в борьбе с христианским аскетизмом. Об этом свидетельствует и сам Валла, говоря о своем намерении показать борьбу со стоиками, главным образом, те наслаждения, которые идут от природы и объясняя свой акцент на чувственных наслаждениях соображениями полемики⁵.

В интерпретации Эпикура Валлой наблюдаются и другие интересные моменты. При трактовке принципа удовольствия у Валлы у него заметны моменты формального демократизма, которые не выступают отчетливо у самого Эпикура, у которого мудрецы, осуществляющие его этические принципы, скорее противопоставляются толпе. Эпикурейские принципы у Валлы рассматриваются как здравый смысл и общераспространенный взгляд на жизнь⁶, весьма показательна его апелляция к природе, наделившей всех равными возможностями наслаждения. Такая позиция Валлы говорит не только о попытке оправдать наслаждение в борьбе с аскетизмом, но и о введении его в моральную норму ссылкой на всеобщность; она

¹ Valia, *Filosofia italiana e l'Umanesimo*. Venezia, 1928, p. 65.

² Bruni, *Isagogicon...*, p. 25.

³ Raymond, p. 92.

⁴ Ibid., p. 90.

⁵ Valia, p. 921.

⁶ Ibid., p. 905, 926—927.

является показателем и того, что принципы наиболее полного удовлетворения потребностей уже господствовали в жизни, но господствовали, очевидно, в определенных кругах общества, обладавших средствами для этого — в среде крупных землевладельцев, банкиров, промышленников. Разумеется, попытка Валлы представить эту философию как общезначимую и универсальную, но тем не менее апелляция Валлы к природе, к естественному равенству людей в их стремлениях (характерная позже для французского Просвещения) как протест против феодального сословного неравенства заслуживает внимания.

Валлу отличают от Эпикура глубокий оптимизм, радость и полнота ощущения жизни, непримиримость со смертью,ходящая свое решение в продлении жизни до бесконечности. В этом также сказывается различие в характере эпох.

Наконец, Валлой делается интересная попытка приращению о наслаждении утилитарный характер. Все, что приносит удовольствие, говорит он, приятно или неприятно, т. е. вызывает наслаждение или нет, а все то, что доставляет наслаждение, отождествляется им с полезным. Поэтому люди, стремясь к наслаждению, вместе с тем стремятся к собственной пользе. Валла выводит из природы человека, из его стремлений к наслаждению принцип личной пользы и пытается рассмотреть с этих позиций отношения в обществе. Учение Эпикура отличалось ярко выраженным утилитаризмом и, интерпретируя его таким образом, Валла вносит несомненно много нового и оригинального. Более того, сводя все отношения людей к отношениям полезности, Валла выступает, по существу, родоначальником нового учения, предвосхищая буржуазные этические теории более позднего времени (Гоббса, Локка, Гельвеция, Гольбаха, Бентама) ².

Итак, усваивая общие принципы эпикуровской этики, иногда и их материалистическое обоснование, гуманисты XVI-XVII вв. вносят в учение Эпикура существенные коррективы, в значительной степени объясняющиеся потребностями эпохи — стремлением выработать новые жизненные принципы в соответствии с идеологическими запросами и борьбой с традиционным христианским аскетизмом. Прогрессивный характер этих новых жизненных принципов и их принадлежность поднимаемому слою ранней буржуазии не оставляют сомнений.

¹ Vall a., p. 911, 221.

² См. об этом подробнее нашу статью «Из истории этических учений эпохи Возрождения», Вестник Московского университета, сер. IX, № 2, 1964 г.

и свидетельствует прежде всего сама попытка обратиться к ценностям, наименее связанному со старым мировоззрением, к идеям, дающему оправдание наиболее полному восприятию жизни во всех ее проявлениях, гуманистическому идеалу гармоничного развития человека. Своеобразная интерпретация учения, которое направляется против аскетизма и принимает порой сенсуалистический оттенок, его боевой наступательный дух, его оптимизм, акцент на активном стремлении к счастью, элементы формального демократизма, яркий индивидуализм и индивидуализм — все то, на чем акцентируют внимание — помогают четче и яснее определить его социальную принадлежность.

Традиции эпикурейской этики не прерываются в Италии до 1-й половины XV в. и в XVI в. Эпикурейские идеи развиваются в Римской академии, основанной учеником Валлы Помпонием Лэтом, в ранних произведениях Марсилио Фичино, Михаила Марулло Тарханиота, в романе Феличе Фелетто, в сочинениях Аония Палеария и др.

Через Каллимаха, одного из членов Римской академии, вышедшего после ее разгрома папой Павлом II в Турцию, а затем в Польшу, идеи Эпикура проникают в польский гуманизм. Каллимах и его покровитель Гжегож и Санока считаются первыми зачинателями материалистической мысли в Польше¹. Взгляды Римской академии оказали влияние на польского гуманиста Яна Урсина, который называет своим учителем Помпония Лэта².

В Венгрии идеи Демокрита, Эпикура, Лукреция развивал Пампоний, учившийся в Италии до 1458 г., знавший работы Валлы и откликнувшийся на его смерть горестными строками: «Ворон столетия живет, и олень на земле долговечен. Смерть похитила смерть. Нет во вселенной богов»³. В Германии Эпикура прославляет Эразм Роттердамский, очевидно, знавший трактат Валлы «О наслаждении» (о том, что эпикурейские взгляды Валлы были хорошо известны в Германии, свидетельствуют работы представителя реформации, врага гуманизма Меланхтона, который выступает против Эпикура [Меланхтон]).

Представляет значительный интерес проследить развитие

¹ Польские мыслители эпохи Возрождения. М., 1960, стр. 268—270.

² Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и слава. Литераторы XV—XVI вв. М., 1963, стр. 213.

³ Там же, стр. 134—138.

⁴ Melancthon. Opera. Halle, 1850, col. 32—36.

идей Эпикура в произведениях этих мыслителей, которые наш взгляд, можно расценить как связующее звено между ранними гуманистами, начавшими реабилитацию Эпикура с этических воззрений, и Джордано Бруно, например, выступившим с законченной атомистической теорией, или Пьером Гассенди, восстановившим учение Эпикура в целом.

Интересно отметить и позицию католической церкви, волившей Валле в период господства гуманистической логики и проникновения ее даже в цитадель католицизма римскую курию, защищать Эпикура перед папой, и вне в период католической реакции и под влиянием усилившегося распространения материалистических идей трактаты «О наслаждении» в «Индекс запрещенных книг», пошедшей на костер Бруно и Палеария, начавшей гонение при всяких проявлениях свободомыслия.

Итак, говоря о распространении учения Эпикура в первой половине XV в., можно отметить следующее:

1. Большинство гуманистов, так или иначе рассматривавших Эпикура, говорят не об его материалистическом учении в целом, а об его этике.

2. Интерес к этическому учению Эпикура связан с оценкой отношения к земной жизни, с реабилитацией чувственной природы человека, отвергаемой традиционным христианством, с отстаиванием права человека на гармоничное развитие.

3. Воскрешая этику Эпикура и твердо стоя на основных принципах ее, гуманисты интерпретируют ее в соответствии с идеологическими запросами своего времени, делая акценты на отдельных элементах моральной философии, или даже пытаясь построить на ней собственную теорию.

4. Этика Эпикура, как правило, отрывается от его философии, она или рассматривается вне связи с какой-либо философской теорией вообще, или делаются попытки ее примирения с христианством путем обожествления природы, признания бессмертия души (и тела), нахождения материалистических моментов в самом христианстве. Это примирение несомненно свидетельствующее об ограниченном восприятии Эпикура и невозможности подняться до признания материалистического взгляда на мир, тем не менее выглядит формальным. Оно делается для оправдания этических принципов Эпикура, а не для их теоретического обоснования. В конечном итоге принципы материалистической этики остаются незыблемыми, а в некоторых случаях чувствуется при

имеет сильное влияние материалистической гносеологии
Эпикура.

А этика Эпикура, воскрешенная к жизни в эпоху Возрождения, подрывала в корне принципы аскетической морали раннего католицизма. Выводя обязанности человека из природы и делая таким образом источником нравственных законов самого человека, этика Эпикура знаменовала собой полное освобождение морали из-под опеки религии и нанеся удар по христианско-феодалной идеологии в целом. Интерпретация эпикурейской этики применительно к идеологическим запросам новых прогрессивных слоев итальянского общества, предвестников буржуазии, давала в руки поднимающегося класса идеологическое оружие в борьбе с феодализмом. Реабилитация этических идей Эпикура пробуждала интерес как к ним, так и к учению Эпикура в целом, восприятие которого оказалось возможным только в конце XVI—XVII

столетий.